

Для проблем этнической географии и картографии, по-видимому, существенно не только понятие этнических территорий, но и их границ. Характер границ, их конфигурация, их история — особая тема исследования. Очевидно, не случайно принято употреблять термины «политические, государственные границы», но «этнические рубежи». Возможно, целесообразно было бы вслед за лингвогеографами, использующими для этой цели термин «изоглоссирование», ввести специальный термин для установления границ или пограничных этнических зон, анализа этих зон⁶.

Этнографию и лингвистику связывает и изучение наименований тех или иных предметов и их распространение по карте. Таким образом, этнолингвистические процессы проходят не только по линии внешелингвистических, но и по линии внутрелингвистических системных (лексических, а иногда и фонетических и морфологических) вариаций. Нередко на этнической карте отмечаются основные лингвистические координаты этносов. Изучение рецензируемой книги показывает возможность введения терминов «лингвоэтногеография» и «лингвоэтнокартография», которые закрепляют уже существующую смешанную лингвоэтническую дисциплину.

С позиций лингвогеографии, территория, ареал — это предмет исследования, и поэтому неожиданно звучит: «метод этнических территорий» или «метод ареалов» (с. 70 и др.). Может быть, правильнее было бы писать: «метод выделения или вычисления ареалов», «метод ареализирования». Удобным в описании разных особенностей нанесения той или иной информации на карту является принятый в картографии термин «язык» карты, который нашел слабое применение в рецензируемой книге.

Все главы сопровождаются большой и интересной библиографией. Досадны в связи с этим две неточности в главе XI. На с. 142 сноска на «Atlas linguistique de la France», Paris, 1902—1919 является глупым указанием на знаменитый Лингвистический атлас Ж. Жильерона, основоположника лингвистической географии (G. Gillieron et E. Edmont. Atlas linguistique de la France, 35 fasc. Paris. Champion, 1902—1910). В этой же главе в списке 34 упоминается впервые труд В. П. Алексеева «География человеческого рас» без выходных данных.

Книга очень выиграла бы, если бы к ней был приложен тематический указатель.

Я не этнограф и, естественно, не могу достаточно полно оценить всю новизну представленного материала, равно как и его недостатки, но, будучи убежденным приверженцем картографического метода исследования, анализа и показа материала, я согласна с теми авторами книги, которые пишут, что подчас карта дает большую (и более наглядную) информацию, чем текст (см. с. 71).

Благодаря умелому изложению, умелой компоновке, прекрасному иллюстративному материалу книга, написанная, казалось бы, на очень узкую тему, представляет интерес и для широкого круга читателей — филологов, историков, этнографов, географов. Однако она оказалась недоступной из-за небольшого тиража (1000 экземпляров). Необходимо ее переиздание с добавлением предметного (тематического), именного и географического указателей. Для массового читателя хорошо бы представить и более популярно изложенное, переработанное и сокращенное издание с сохранением значительной части иллюстративного материала.

М. А. Бородина

⁶ Применительно к этнографическим объектам картографирования Н. И. Толстой ввел термины «изопрагма» и «изодокса».

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СЕМЬИ

(О книге А. Г. Харчева «Брак и семья в СССР»).

В предисловии ко второму изданию книги «Брак и семья в СССР» (М., «Мысль», 1979) А. Г. Харчев отмечает, что за пятнадцать лет, прошедших со времени первого издания, существенно изменились и сама семья, и науки, занимающиеся ее исследованием. Эти изменения наглядно ощущаются при сопоставлении двух изданий монографии А. Г. Харчева: в последней работе автор опирается на выводы значительно более широкого круга эмпирических исследований; обогатился понятийный аппарат и методология исследования, предметом анализа стали новые, определившиеся за эти годы тенденции развития семейно-брачных отношений. По существу мы имеем дело с новой работой, всесторонне отражающей как современное состояние научных исследований в данной области, так и современные, весьма динамичные процессы, определяющие развитие этой важной сферы социальной жизни.

Одна из примечательных особенностей книги А. Г. Харчева — последовательное применение комплексного, системного, междисциплинарного подхода к анализу сложных и многообразных проблем развития семьи в советском обществе. Обоснованию теоретических и методологических принципов такого подхода посвящены две первые главы книги:

«Брак и семья как объект социологического исследования» и «Социальная сущность брака и семьи». В них тщательно прослежены специфика изучения проблем семьи в различных общественных науках, а также системные, междисциплинарные связи, закономерно обнаруживающиеся при анализе многих вопросов функционирования и развития семейно-брачных отношений.

Широко используя материалы этнографических, демографических, социально-психологических, криминалогических, медицинских исследований, автор органически включает их в общую ткань социологического анализа, позволяющего представить исследуемое явление в его диалектической целостности.

Характерная для современного этапа развития научных исследований тенденция к интеграции общественно-научного знания закономерно обуславливает размывание четких границ между различными предметными областями исследования семьи, ведет к преодолению исторически сложившейся обособленности отдельных дисциплин, изучающих семью. Продуктивная разработка наиболее сложных и социально значимых проблем семьи, как и других общественных явлений, происходит ныне на «стыках» различных общественных наук. В этой связи возрастает интеграционная функция марксистско-ленинской социологии, выражающаяся в возникновении новых «пограничных» научных дисциплин или областей социологического знания. Процесс интеграции общественных наук нашел отражение, в частности, в становлении этносоциологии как науки, органически объединяющей близкие по предмету и методам исследования смежные области, занимающиеся этническими аспектами социальных, в том числе семейных, отношений.

Рассмотрение закономерностей развития семьи как одной из важнейших социальных подсистем общества осуществляется А. Г. Харчевым на основе последовательного проведения принципа марксистского историзма. В свете этого принципа в книге дается сжатый, но содержательный очерк истории изучения семьи в разных науках, а также исторический очерк развития института брака и семьи от древнейших эпох до нашего времени. Эти исторические экскурсы проводятся на основе анализа обширного материала социально-философских и специально-научных исследований, умелого использования свидетельств художественной литературы. Естественно, что наибольшее внимание автор уделяет процессам становления и развития советской семьи, рассматривая их в тесной связи с эволюцией семейного права и половой морали общества.

Многоукладность, характерная для первых этапов развития советского общества, обусловила существенные региональные особенности процессов формирования новой семьи, в частности у народов Средней Азии и Севера РСФСР. Эти особенности, определившие своеобразие социальной политики партии в данной области применительно к разным национальным регионам, освещаются в книге на основе анализа материалов многочисленных этнографических исследований.

Опыт советских этнографов оказал помощь автору в освещении социально- и национально-интеграционных процессов в сфере брачно-семейных отношений на этапе развитого социализма. Так, в книге использованы данные этнографических экспедиций, свидетельствующие об отмирании или «расшатывании» многих консервативных национальных обычаев, являвшихся непременным атрибутом заключения брака (с. 199), о расширении диапазона выбора будущего супруга, объективно обусловленном увеличением подвижности населения и интенсивной урбанизацией страны. Массовое перемещение сельских жителей в города и на новостройки, сопровождающееся все большим национальным «перемешиванием» населения, делает личный выбор в браке все более свободным от расовых, национальных и религиозных предрассудков. Вопреки утверждениям буржуазных социологов о том, что межнациональные браки обладают гораздо меньшими возможностями взаимного приспособления супругов, опыт нашей страны доказывает высокую степень устойчивости «смешанных» браков. Все эти выводы делаются автором на основе широкого использования материалов этнографических исследований последних лет. Вместе с тем в книге не отражены некоторые результаты исследований советских этнографов по этой проблематике, в частности не использованы данные, изложенные в содержательной коллективной монографии «Современные этнические процессы в СССР» (М., 1977).

Тщательно прослеживая зависимость изменений в брачно-семейных отношениях и в половой морали общества от более широких сдвигов в образе жизни, А. Г. Харчев раскрывает и некоторые негативные стороны этих изменений. Так, в частности, он отмечает, что рост подвижности населения и его концентрация в крупных городах облегчают добрачную сексуальную практику и адюльтер в силу ослабления традиционных механизмов социального контроля и «анонимности» городского образа жизни (с. 230). Содержательно интерпретируя данные социальной и демографической статистики и результаты многочисленных социологических исследований, автор анализирует причины отрицательных явлений в сексуальном поведении и факторы, обуславливающие известную неустойчивость современного брака. Данный анализ убеждает в том, что социология все более активно вторгается в эту, прежде «запретную» сферу жизни и помогает представить реальную картину состояния общественных нравов, на основе которой только и возможна выработка эффективных средств социальной профилактики и терапии, способствующих стабилизации и укреплению семьи.

В книге убедительно показано, что социологические исследования обнаруживают несостоятельность многих представлений, бытующих в обыденном сознании. Так, например, вопреки широко распространенному мнению, большей способностью «исчезать совсем», обладает духовная близость супругов, а не физическая (с. 198). Автор раскрывает не-

состоятельность и другого ходячего мнения — о полной зависимости сексуальной гармонии от природных данных супругов. Сексологические исследования доказывают прямое влияние на эту сферу психологических отношений между супругами. Преодоление на первый взгляд неразрешимых сложностей и коллизий в интимной жизни оказывается в большинстве случаев вполне возможным на основе психотерапевтической помощи супругам, осуществляемой квалифицированными специалистами. Автор анализирует опыт пока еще немногочисленных в нашей стране консультативных центров по вопросам семьи и брака и делает вывод о необходимости всемерного расширения сети таких центров и подготовки соответствующих специалистов.

Рассматривая вопрос о половом воспитании молодежи, А. Г. Харчев доказывает неправомочность пренебрежения вопросами половой морали, «теоретически» обосновываемого тезисом о единстве коммунистической морали, якобы исключающем необходимость выделения такой особой сферы нравственного воспитания. Нормы морали обладают различной степенью всеобщности: от самых широких принципов до самых узких правил поведения, действительных лишь для определенных жизненных ситуаций. К таким типическим жизненным ситуациям относится половая жизнь, взаимоотношения мужчины и женщины. Данная сфера находится в нерасторжимой связи со всей нравственно-эмоциональной жизнедеятельностью личности. Поэтому осуществление эффективной системы полового воспитания должно составлять часть общей системы нравственно-эстетического воспитания.

Следует особо подчеркнуть, что книга А. Г. Харчева является одним из первых в нашей общественной науке примеров органического соединения социологического и этического анализа, строго научного аналитического рассмотрения исследуемых явлений с ценностно-нормативным подходом к ним, свободным от прямолинейной назидательности и схоластического морализирования. В работе содержится много глубоких выводов этического плана, тонких наблюдений над реально складывающимися нравственными отношениями.

Важное достоинство рассматриваемой работы заключается в том, что она направлена против вульгарно-социологического подхода, исходящего из идеи о жесткой, прямолинейной связи между образом жизни семьи и образом жизни общества. Автор показывает относительную независимость некоторых изменений в нормах сексуальной жизни, брачно-семейных отношениях и репродуктивном поведении семей от характера социально-экономической системы. Переход от традиционного типа воспроизводства населения, связанного с неограничиваемой рождаемостью, к современному, рациональному типу его воспроизводства, являющемуся результатом сознательного ограничения рождаемости, происходит под непосредственным влиянием факторов, общих для всех индустриально развитых стран: роста трудовой занятости и экономической самостоятельности женщин, широкого применения контрацептивных средств, повышения их надежности и доступности, что закономерно ведет к отграничению секса для воспроизводства от секса как выражения любви и привязанности. Однако эти тенденции, общие для разных социально-экономических систем, нельзя абсолютизировать.

Анализируя социальные проблемы семьи как первичной ячейки общества, автор закономерно приходит к анализу смежных проблем нашего образа жизни. Заслуживают серьезного внимания, в частности, соображения о том, что опыт раздельного проведения супругами отпусков вследствие нежелания предприятий считаться с интересами семьи нередко оказывает разрушительное влияние на брак.

Обращая внимание на необходимость совершенствования условий для организованного семейного досуга, А. Г. Харчев подчеркивает, что плохая организация культурного досуга влечет как экономические, так и нравственные потери для общества: отток населения в центры с более развитым культурным обслуживанием, стихийное складывание неформальных компаний подростков, в которых лидерство далеко не всегда принадлежит социально здоровым элементам, пьянство и другие формы антисоциального поведения, тяжело отражающиеся на семейных отношениях и семейном воспитании.

Как подчеркивает автор, алкоголизм и половой аморализм — практически неразлучные спутники. Одураченность алкоголем зачастую вызывает повышенную сексуальную «озабоченность» и благоприятствует утрате всяких сдерживающих начал у искателей легких сексуальных «побед». Эта группа причин, игнорируемая до сих пор исследователями алкоголизма, должна привлекать внимание общества. Необходимо всемерное развитие семейных домов отдыха, пансионатов, турбаз, для которых характерна более здоровая атмосфера, чем для учреждений отдыха, обслуживающих отдельных отдыхающих.

Касаюсь снижения роли клуба как специфического фактора досуга, автор объясняет это тем, что большинство клубов и дворцов культуры функционируют при предприятиях, тогда как преобладающее большинство трудящихся проживает сравнительно далеко от них и нуждается в территориальных центрах культуры, общения, развлечений. Господство ведомственных начал в организации клубного дела (как, добавим, и в развитии других элементов социальной инфраструктуры города) существенно снижает социальную эффективность использования средств, направленных на культурные цели.

Некоторые положения, высказываемые автором как бы походя, наводят на мысль о необходимости развертывания более широких социологических исследований, направленных на оптимизацию ряда социальных процессов, в настоящее время неблагоприятно сказывающихся на образе жизни как семьи, так и общества в целом. Это касается, в частности, вопроса об отсутствии возможностей социально рентабельного расходования

средств семьи в результате дефицита многих жизненно важных благ и услуг. Расширение существующих и открытие новых каналов использования денежных средств населения в сфере отдыха, досуга и т. д. призвано способствовать сокращению потребления алкогольных напитков, так как, по данным ряда исследований, пьянство нередко просто заполняет «вакуум» более высоких форм общения и более полезных для личности и общества развлечений» (с. 276).

Другая важная социальная проблема, к сожалению, тоже лишь попутно затрагиваемая в книге, связана с использованием определенной частью советских семей, как деликатно выражается автор, «таких средств получения дополнительных доходов, о которых они не могут заявить открыто». «Конечно,— пишет А. Г. Харчев,— эти рассуждения основываются на весьма ограниченной эмпирической базе, однако они согласуются с теми выводами, которые можно сделать из материалов судов, милиции, читательской корреспонденции, из опросов общественного мнения» (с. 276). Думается, в наши дни, когда периодическая печать все более остро поднимает вопрос о распространении практики получения нетрудовых доходов спекулянтами и взяточниками, настало время расширить «ограниченную эмпирическую базу» путем получения достоверной социологической информации о масштабах данного социального зла. Такого рода исследования имеют прямое отношение и к социальным проблемам семьи, поскольку легкая жизнь всякого рода дельцов и махинаторов, а также их чад и домочадцев на нетрудовые и «левые» доходы определяет антисоциалистический уклад жизни таких семей, оказывая социально разлагающее воздействие на окружающих, в особенности на молодежь.

По другим актуальным проблемам социального развития нашего общества позиция А. Г. Харчева выражена намного более определенно. Это относится в первую очередь к вопросам эффективной демографической политики, оживленно обсуждающимся в последние годы в советской демографической, экономической и социологической литературе. Как известно, некоторые исследователи без достаточных к тому оснований продолжают настаивать на том, что введение пособий на детей не способно существенно изменить репродуктивное поведение семей и тем самым повысить уровень рождаемости. Прямо не полемизируя с такого рода взглядами, автор тем не менее вполне четко заявляет, что «рождаемость следует повышать прежде всего путем более эффективного материального и морального стимулирования рождения первого и особенно второго и третьего ребенка в нормальных семьях. Такое стимулирование, несомненно, внесет необходимые коррективы и в планирование времени рождения детей в семье» (с. 208). Приводя многочисленные данные, характеризующие тесную обратную связь между уровнем рождаемости и уровнем разводимости, А. Г. Харчев делает еще один важный вывод — о том, что материальное и моральное поощрение рождаемости будет служить не только необходимым для страны увеличению прироста населения в ее центральных и западных регионах, но и известному уменьшению числа разводов (с. 225—227). Рассматривая проблемы стабилизации семьи и разводимости в широком социологическом контексте проблематики образа жизни, А. Г. Харчев подчеркивает, что «ни государство, ни общество не заинтересованы в том, чтобы в стране возрастала численность холостяков и незамужних, потому что это одновременно и возрастание количества неустroенных судеб и внебрачных детей» (с. 229). В этой связи им выдвигается ряд практических рекомендаций, направленных на укрепление семейных отношений. Отмечая, что нерешенность жилищных проблем является ныне одной из главных причин как высокой текучести кадров, так и высокой разводимости, А. Г. Харчев предлагает значительно расширить сферу кооперативного жилищного строительства, создав одновременно систему государственного кредитования молодых семей. «Эта мера поможет повышать не только стабильность этих семей, но и новых трудовых коллективов, ибо ничто так не привязывает человека к предприятию, как домашний очаг» (с. 229). Отрадно отметить, что эти предложения нашли отражение в недавнем постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дальнейшем укреплении трудовой дисциплины и сокращении текучести кадров в народном хозяйстве»¹.

Заслуживают внимания и другие научные рекомендации, содержащиеся в книге. В интересах упорядочения отношений между полами, снижения брачного возраста и более раннего начала фертильного периода в супружеской жизни женщины А. Г. Харчев предлагает создавать условия и стимулы для поступления учащейся молодежи на работу (на режимах неполного рабочего дня), начиная со старших классов средней школы (с. 208). В условиях неуклонно увеличивающейся средней продолжительности обучения молодежи такого рода меры призваны способствовать сокращению образованного в связи с акселерацией разрыва между физическим (в том числе и сексуальным) созреванием молодежи и наступлением ее социальной (в том числе и нравственной) зрелости, положить конец иждивенческому статусу молодых людей, ныне затягивающемуся нередко до 22—25-летнего возраста. Указывая на актуализацию проблемы посредничества в выборе брачного партнера, автор считает необходимым развивать создающуюся ныне в ряде городов «службу знакомств». Как известно, несколько лет назад эта идея безоговорочно отвергалась как несоответствующая принципам социалистической морали. Косвенно полемизируя с такими взглядами, А. Г. Харчев резонно отмечает, что «„служба знакомств“ не претендует на то, чтобы заменить личный выбор супруга и брак по любви

¹ «Правда», 12 января 1980 г.

или восстановить некогда существовавший обычай сватовства, она лишь расширяет круг брачного выбора и, следовательно, улучшает его шансы» (с. 342, 343).

Вместе с тем в книге «Брак и семья в СССР» можно встретить некоторые спорные или неточные утверждения. Так, едва ли справедливо связывать с именем А. Коллонтай только вульгаризаторские ошибки в толковании проблемы семьи (с. 129), поскольку в ее работах по этим вопросам содержалось и немало ценных, сохраняющих положительное значение и для нашего времени суждений. Сравнение на с. 281 затрат времени на домашний труд в 20-х и 60-х годах (приводившееся и во многих других социологических работах) не вполне корректно, поскольку оно не учитывает произошедшего за эти годы значительного уменьшения числа детей в семьях. Цифра, приведенная на с. 283, характеризующая совокупные затраты времени населения СССР на бытовую труд (180 млрд. часов в год), расходится с последними расчетными данными, публикуемыми в экономической литературе, согласно которым эти затраты времени достигают 275—300 млрд. часов.

Едва ли можно согласиться с утверждением автора о том, что факты, когда дети не спрашивают у родителей разрешения на вступление в брак, а лишь информируют их об этом, свидетельствуют о недостаточном уважении к родителям и должны вызывать тревогу (с. 184, 185). На наш взгляд, такие факты отражают возросшую автономию личности, ее законное стремление в решении столь интимного вопроса, как выбор брачного партнера, полагаться на свое, а не на чужое мнение, пусть даже исходящее от близкого человека. К тому же сам автор замечает, что известная часть людей старшего поколения, в большей степени отягощенного национальными предрассудками, по тем или иным причинам не одобряет смешанных браков и возражает против выбора жениха и невесты другой национальности (с. 212, 213). Поэтому естественно желание молодых людей не идти на поводу у подобных предубеждений родителей и самим определять вопрос о своем личном счастье. Естественны и отмечаемые автором различия между поколениями в установках, касающихся семейной жизни, выражающиеся в том, что лишь незначительная часть молодоженов намерена полностью следовать в своих взаимоотношениях примеру родителей (с. 238).

Полемизируя с мнением, что для удовлетворения потребности общества в воспроизводстве населения семья не нужна, А. Г. Харчев выделяет такие функции семьи, которые никакой другой социальной институт в данных конкретных условиях выполнять не может. К ним он относит воспитание детей, требующее, особенно в раннем возрасте ребенка, повседневной заботы, граничащей с самоотверженностью, глубокой заинтересованности в судьбе ребенка, присущей родителям в гораздо большей степени, чем другим людям. Тем удивительнее звучит суждение, что «если сводить воспроизводство населения лишь к деторождению, то против такого мнения (о ненужности для этого семьи.— В. Р.) трудно что-либо возразить» (с. 74). В этой связи можно задаться вопросом: какие же мотивы могут побуждать большинство женщин выносить тяготы беременности, родов и т. д., кроме мысли о последующем воспитании ребенка, которое наиболее благоприятно может быть осуществлено в рамках семьи?

Все эти замечания носят частный характер и не снижают научной ценности, новизны и содержательности исследования. Хотелось бы пожелать, чтобы книга «Брак и семья в СССР» была переведена на иностранные языки и оказалась доступной зарубежному читателю, сознание которого отягощено многочисленными предрассудками о судьбах и тенденциях развития советской семьи.

Работа А. Г. Харчева, обобщающая накопленный за последние десятилетия опыт социологии, этнографии и других научных дисциплин в исследовании социальных проблем семьи, наглядно раскрывает творческий потенциал советской общественной науки, ее действительное участие в решении актуальных проблем социального развития социалистического общества.

В. З. Роговин